силы исторического движения и прогресса. В будущем ему уже не суждено вновь играть роль взрывной силы истории, подобную той, какую крестьянские «жаки» сыграли в эпоху Жакерии. В признании того, что мятежный потенциал крестьян на Западе был исчерпан в прошлом и не сулил новых надежд в будущем, сказалось во многом верное историческое чутье Мериме. Но скептический элемент по отношению к возможностям борющихся крестьян постепенно перерос у автора «Жакерии» в скептическое отношение к идее союза в истории также и в будущем верхов и низов, представителей образованных классов и простого люда. Эта идея, столь важная для Пушкина, осталась чужда Мериме не только в 20-е годы, но и позднее, как это видно из его новеллистики.

Мериме в «Жакерии» подходит к анализу крестьянской войны во Франции XIV с объективностью и трезвостью исторической науки XIX в. Писатель хорошо понимает, что Жакерия была отчаянной попыткой французских крестьян облегчить свое положение и освободиться от власти господ. Писатель с уважением относится к французским крестьянам, отдает должное их трудолюбию и здравому смыслу. И все же хроника Мериме, как я уже заметил, скептична по отношению к возможностям народа.

История общества, по Мериме,— борьба общественных сил, но борьба неразумная и трагическая. Этот скептико-пессимистический вывод Мериме получил еще более четкое, чем в «Жакерии», выражение в его историческом шедевре — «Хронике времени Карла IX» (1829), изданном через год после «Жакерии»; Мериме и здесь полемизирует с официальной историографией. Он доказывает, что Варфоломеевская ночь была не результатом заговора Екатерины Медичи, Карла IX или Гизов против гугенотов, но «актом народного восстания» [12, т. 1, с. 40]. Однако восстание это было братоубийственной кровавой драмой. О ее братоубийственном характере свидетельствует смерть католика Жоржа де Мержи от руки его брата гугенота Бернара, хотя оба они были далеки от католического или протестантского фанатизма, полны молодости и сил. Именно в них по-настоящему жила старая Франция. Гражданские войны, политическая борьба рождают, в понимании Мериме, распад общества на отдельные эгоистические группы. Поэтому после «Хроники времен Карла IX» автор ее надолго — и не случайно — оставляет исторический жанр, обращаясь к современности. Его по-прежнему привлекают сильные и страстные натуры, подобные корсиканцу Маттео Фальконе, негритянскому вождю Таманго или цыганке Кармен. Но эти герои новелл Мериме «экзотичны», они в своем миропонимании противостоят современному закону и праву, как и обмельчавшим представителям европейского общества. В нем же, как Мериме скорбно рассказывает в «Двойной ошибке» (1833), господствуют внутреннее отчуждение людей друг от друга и их раздвоенность, которые — болезнь современной цивилизации при всем ее наружном блеске и свойственной ей мишуре.

Большой заслугой Мериме было то, что он отдавал себе отчет в том, что историей движут не только отдельные лица, но и более могучие исторические законы. Но в понимании этих законов Мериме склоняется к историческому фатализму: плеяда сильных и ярких характеров, по мнению французского писателя, неизбежно сменяется в эпоху современной ему цивилизации поколением малодушных и раздвоенных людей. А потому вопрос о будущем человечества и о возможной роли в нем простого люда, в сущности, выпадает из поля зрения Мериме.

Другое мы видим у Пушкина. Как мы знаем, В. Скотт и Мериме вызывали горячий интерес и сочувствие нашего великого поэта. И тем не менее Пушкин и как исторический драматург, и как исторический романист в одном — и притом весьма существенном отношении — разошелся с ними. Ибо Пушкина как изобразителя русского прошлого в отличие от них волновала в первую очередь проблема будущего России. В свете вопросов о будущем своей родины и всей Европы поэт художественно исследовал их прошлое и настоящее. А отсюда проистекал его интерес также и к теме взаимоотношений верхов и низов,